

УДК 14:7.01:82

ББК 87.3(2Рос)61:83.3(2)

Дмитрий Леонидович Шукуров

Ивановский государственный химико-технологический университет, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и культурологии, Россия, Иваново, e-mail: shoudmitry@yandex.ru

Философско-теологический дискурс Н.А. Бердяева, русский авангард и религиозные идеи Даниила Хармса

Аннотация. Рассматриваются философские взгляды Н.А. Бердяева на эстетику авангарда. Мыслитель, как и многие его современники, обращал пристальное внимание на кризисные явления искусства и культуры начала XX века и высказывал нетривиальные суждения о причинах появления новой эстетики авангарда на Западе и в России. Н.А. Бердяеву удалось сформулировать оригинальный философско-критический подход к оценке авангардного творчества, отличающийся и методологическим доверием к авангарду, и, безусловно, его критикой. В исследовании утверждается, что в философско-теологическом дискурсе Н.А. Бердяева проблема творчества имела парадигматическое значение. В известной публикации «Кризис искусства» (1918 г.) философ суммировал свои взгляды на современное состояние искусства. Отмечено, что эсхатологические предчувствия, связанные с культурным кризисом эпохи, были свойственны и многим другим мыслителям Серебряного века, однако Н.А. Бердяев наиболее тонко и глубоко отразил специфические черты авангардистского мировоззрения. Дан анализ концептуальной взаимосвязи между философско-теологическим дискурсом Н.А. Бердяева и религиозными идеями Даниила Хармса – автора авангардной группы 1920-х годов «Объединение Реального Искусства» («ОБЭРИУ»). Показано, что возникшая еще в религиозной философии В.С. Соловьёва идея эпохи Святого Духа, или Третьего Завета, оказала влияние и на мировоззрение Н.А. Бердяева, и на экспериментальное индивидуально-авторское творчество и эстетику Д. Хармса. Указан и более широкий культурологический контекст философских идей Н.А. Бердяева, связанных с концепцией «Нового Средневековья», которая оказала сильнейшее воздействие на интеллектуальные настроения эпохи и нашла отражение в творчестве другого члена группы «ОБЭРИУ» – Константина Вагинова.

Ключевые слова: авангард, эстетика авангарда, кризис культуры, Серебряный век, эсхатологизм, идеи Н.А. Бердяева, «Новое Средневековье», «Объединение Реального Искусства», античность, христианство, большевизм

Dmitry Leonidovich Shukurov

Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of History and Cultural Studies, Russia, Ivanovo, e-mail: shoudmitry@yandex.ru

Philosophical and theological discourse by N.A. Berdyaev, Russian avant-garde and religious ideas of Daniil Kharms

Abstract. The article discusses the philosophical views of N.A. Berdyaev on the aesthetics of the avant-garde. The thinker, like many of his contemporaries, paid close attention to the crisis phenomena

of art and culture at the beginning of the twentieth century and expressed non-trivial judgments about the reasons for the emergence of a new avant-garde aesthetics in the West and in Russia. Berdyaev managed to formulate an original philosophical-critical approach to the assessment of avant-garde creativity, distinguished by both methodological trust in the avant-garde and, of course, its criticism. The study argues that in the philosophical and theological discourse of N.A. Berdyaev's problem of creativity had paradigmatic significance. In the famous publication "The Crisis of Art" (1918), the philosopher summarized his views on the current state of art. Eschatological premonitions associated with the cultural crisis of the era were also characteristic of many other thinkers of the Silver Age. However, N.A. Berdyaev most subtly and deeply reflected the specific features of the avant-garde worldview. The article analyzes the conceptual relationships between the philosophical and theological discourse of N.A. Berdyaev and the religious ideas of Daniil Kharms, the author of the avant-garde group of the 1920s "Union of Real Art" ("OBERIU"). It is shown that it arose in the philosophical works of V.S. Solovyov's idea of the era of the Holy Spirit or the Third Testament also influenced the philosophical work of N.A. Berdyaev, and on the experimental individual creativity and aesthetics of D. Kharms. The broader cultural context of Berdyaev's philosophical ideas related to the concept of the "New Middle Ages" is also indicated, which had a strong impact on the intellectual mood of the era and was reflected in the work of another author of the OBERIU group, Konstantin Vaginov.

Key words: avant-garde, avant-garde aesthetics, cultural crisis, Silver Age, eschatologism, ideas of N.A. Berdyaev, "New Middle Ages", "Union of Real Art", antiquity, Christianity, Bolshevism

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.1.112-127

В философско-теологическом дискурсе Н.А. Бердяева проблема творчества имела парадигматическое значение. Философ в большинстве своих трудов затрагивал тему творчества человека в контингентных обстоятельствах конкретной исторической эпохи и особым образом рассматривал вопросы кризисного состояния культуры и искусства начала XX века. В известной публикации «Кризис искусства» (1918 г.)¹. Н.А. Бердяев суммировал свои взгляды на современное состояние искусства. Здесь он с обеспокоенностью свидетельствовал о «разрыве» или «расщелинах» в культуре, об утере ею «твердых форм», о процессах «геометризации» и «распыления» канонической ткани искусства, ткани, оказавшейся «разодранной навеки»². В «Кризисе искусства» в эсхатологическом ключе осмыслялся феномен авангардного искусства, развивающегося на Западе и в России: «Футуризм и может быть понят как явление апокалипсического времени, хотя самими футуристами это может совсем не осознаваться» [1, с. 62].

Эсхатологические предчувствия, связанные с культурным кризисом эпохи, были свойственны и многим другим мыслителям Серебряного века. Однако Н.А. Бердяев наиболее тонко и глубоко отразил специфические черты авангар-

¹ Бердяев Н.А. Кризис искусства. М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. 45 с.

² См.: Бердяев Н.А. Кризис искусства // Эстетическое самосознание русской культуры. 20-е годы XX века: Антология. М.: РГГУ, 2003. С. 65–66 [1].

дистского мировоззрения³. В.П. Раков подчеркивал, что Н.А. Бердяев внятнее, чем кто-либо из его современников, сформулировал мысль о дискретности формы в искусстве начала XX века и об отношении этого феномена к дискурсу классического искусства: «... мыслитель увидел, пожалуй, главное, что отличает художественное творчество неклассического типа от морфологии и структуры произведений предшествующих эпох. В переводе на язык современной филологии, речь идет о дискретности самого тела искусства, то есть его стиля» [2, с. 35].

Бердяевская характеристика искусства современной ему эпохи предельно осторожна и вдумчива, его позиция лишена той категоричности неприятия, которая была свойственна, например, Д.С. Мережковскому⁴. Однако мыслитель формулирует свои суждения, находясь, безусловно, в координатах классической эстетики. Философ неоднократно подчеркивает генетическую связь авангардизма с мироощущением модернистской эпохи, его обусловленность культурным кризисом современности: «Нарушаются все твердые грани бытия, все декристаллизуется, расплывается, расплывается. Человек переходит в предметы, предметы входят в человека, один предмет переходит в другой предмет, все плоскости смещаются, все планы бытия смешиваются. Это новое ощущение мировой жизни пытается выразить футуристическое искусство» [1, с. 53]. Н.А. Бердяеву удалось сформулировать мысль об изначальной творческой интуиции авангардизма – «творчестве из ничего – ex nihilo»: «В таких самоновейших течениях, как супрематизм, остро ставится давно уже назревшая задача окончательного освобождения чистого творческого акта от власти природно-предметного мира. Живопись из чисто красочной стихии должна воссоздать новый мир, совершенно непохожий на весь природный мир. <...> Это не есть только освобождение искусства от сюжетности, это – освобождение от всего сотворенного мира, упирающееся в творчество из ничего» [1, с. 57]. Мыслительный парадокс этой интуиции заключается в том, что, по Н.А. Бердяеву, подлинное творчество возможно только по аналогии с актом божественного миротворения – из до-бытийного меона. «Творчество, – писал философ в книге “О назначении человека” (1931 г.), – по метафизической своей природе есть всегда творчество из ничего, т.е. из меонической свободы, предшествующей самому миротворению» [4, с. 45]. Подобная трактовка дает основания со-

³ Тема «Н.А. Бердяев и теологический дискурс ОБЭРИУ» в лингвокультурологическом аспекте затрагивалась в докторской диссертации: Шукуров Д.Л. Концепция слова в дискурсе русского литературного авангарда первой трети XX века: дис. ... д-ра филологических наук: 10.01.01 / Шукуров Дмитрий Леонидович; [Место защиты: Иван. гос. ун-т]. Иваново, 2007. 417 с.

⁴ Д.С. Мережковский как сторонник и приверженец контекстов высокой культуры и традиции воспринимал надвигающиеся перемены в искусстве в качестве свидетельства реварваризации человечества, и, безусловно, такое восприятие имело эсхатологический характер. Революция была наказанием Божьим. «Грядущий Хам» русской истории был неизбежен, как неизбежна была гибель культуры (см.: Мережковский Д.С. I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький. СПб., 1906 [3]).

временным ученым говорить об «апофатике литературно-художественного стиля» в неклассическом дискурсе культуры Серебряного века⁵.

Н.А. Бердяев прекрасно осознает парадоксальную близость авангардных интуиций творчества и собственной интенции в понимании творческого акта. Однако футуризм, с его точки зрения, излишне декларативен. Отказ от культурных традиций в авангардизме находит объяснение в желании освобождения от груза стереотипов, в стремлении к чистому и первозданному творческому акту – из манифестов русских и итальянских футуристов это очевидно следует. Но футуристическое творчество не столько созидало новое искусство, сколько было направлено на разрушение старого: «Совершается декристаллизация слов, расплывание слова, разрыв слова с Логосом. Но нового космического ритма, нового лада футуристы не улавливают. Беда футуризма в том, что он слишком обращен назад, отрицательно прикован к прошлому, слишком занят сведением с ним счетов и все не переходит к новому творчеству в свободе. Он есть лишь переходное состояние, скорее конец старого искусства, чем созидание нового искусства» [1, с. 54].

Идеи Н.А. Бердяева, оказавшегося с 1922 года в вынужденной эмиграции, обнаруживают впечатляющее совпадение с творческой программой представителей позднего авангарда в России – участников группы ОБЭРИУ («Объединение реального искусства»). Эта переключка идей уже была отмечена в научно-исследовательской литературе. Так, идейную конвергенцию философских взглядов Н.А. Бердяева и мыслительных интуиций одного из представителей ОБЭРИУ Даниила Хармса отмечает Д.В. Токарев: «Именно мистическое понимание творчества, характерное для Хармса, позволяет говорить о том, что его метафизико-поэтическая концепция во многом ближе представлениям таких мыслителей, как Лосский, Франк и особенно Бердяев, чем футуристическим доктринам, подчеркивающим важность материального перевоплощения в ущерб перевоплощению духовному» [5, с. 175–176]⁶. Действительно, авторы-мыслители так называемого «чинарско-обэриутского круга» сформировали оригинальную философию творчества и даже особый теологический дискурс, имеющие много сходного с философскими интуициями Н.А. Бердяева. Исследователь русской авангардной литературы Л.Ф. Кацис также отмечает ряд спе-

⁵ См.: Раков В.П. Апофатика литературно-художественного стиля (Опыт теоретического описания) // Раков В.П. Филология и культура. Статьи. Иваново: Изд-во МИК, 2003. С. 25–48.

⁶ См. об этом: Токарев Д.В. Философские и эстетические основы поэтики Даниила Хармса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. СПб., 2006. 407 с. [6].

цифических особенностей «теологии» обэриутов⁷. Рассматривая творчество обэриутов «в контексте Завета Св. Духа», ученый, безусловно, подразумевает идеи так называемого *апокалиптического христианства*, получившие распространение в религиозной философии Серебряного века. Однако удивляет то, что в части работы, специально посвященной этой теме, нет даже краткого упоминания бердяевской концепции «трех эпох» в истории культуры, а она достаточно ясно была сформулирована еще в доэмигрантский период в книге «Смысл творчества» (1916 г.)⁸.

Д.В. Токаревым указано, что концепция «трех эпох» воспроизводит хилиастическое учение о тринитарности мирового процесса, основы которого были разработаны итальянским средневековым мистиком Иоахимом Флорским (около 1132–1202)⁹. Согласно символическому толкованию Библии в этом учении, всемирная история разделяется на три «мировые состояния», или эры, соответствующие трем лицам христианской Троицы¹⁰. В ветхозаветную эру Бог Отец раскрывается человеку как властный господин, а человек подчиняется ему как покорный раб; в новозаветную эру Бога Сына отношения Бога и человека превращаются в отношения отца и ребенка; наконец, грядущая эра Святого Духа должна сообщить этим отношениям полноту откровения. Учение стало чрезвычайно популярно среди многих представителей Серебряного века, его концептуализацией занимались и Н.А. Бердяев, и Д.С. Мережковский, и С.Н. Булгаков. Прот. Г. Флоровский, давая характеристику этой темы в «Путиях русского богословия» (1937 г.), отметил чрезвычайную популярность книги нижегородской журналистки А.Н. Шмидт (1851–1905) «Третий Завет» (1916 г.), повествующей об эсхатологической близости конца истории и о необходимости третьего откровения (откровения Святого Духа). Книга была

⁷ Однако глубина исследовательских подходов, оригинальность интерпретационных схем и точность наблюдений не всегда, на наш взгляд, соответствуют в этой книге квалифицированной теологической аргументации. Попытка интерпретировать внутреннее деление триипостасного Бога явно неудачна: «на нашей грешной земле, – по словам Л.Ф. Кациса, – был лишь Бог Сын, а две остальные ипостаси всегда оставались на небесах» [7, с. 468]. Этому явно противоречит христианская доктрина о сошествии Святого Духа в день Пятидесятницы.

⁸ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2004. 678 с. [8].

⁹ См.: Токарев Д.В. Апокалиптические мотивы в творчестве Даниила Хармса (в контексте русской и западноевропейской эсхатологии) // Россия, Запад, Восток: Встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М.П. Алексеева / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: Д.С. Лихачев (отв. ред), Е.П. Чельшев. СПб., 1996. С. 176–198.

¹⁰ Практически одновременно и даже несколько ранее исследовательского материала Д.В. Токарева состоялась совместная публикация Л. Кациса и Д. Шушарина, в которой учение о тринитарности исторического процесса также возводилось к концепции Иоахима Флорского (см.: Кацис Л., Шушарин Д. «Потом начинается ужас»: ОБЭРИУ как религиозное явление // Исследования по истории русской мысли: период. науч. сб. (арх. публ., исслед., воспоминания, письма, библиогр. ...): Ежегодник. СПб., 1997. С. 134–167).

издана по инициативе С.Н. Булгакова и вышла с предисловием С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского¹¹. (Известно, что этим комплексом идей был увлечен в определенный период творчества и В.С. Соловьев¹²).

Согласно бердяевскому пониманию учения, процесс мистической диалектики Святой Троицы таинственно отражен в истории: история мира проходит эпохи Отца, Сына и Духа. Эти эпохи, по Н.А. Бердяеву, с одной стороны, могут сосуществовать, с другой – последовательно сменяют друг друга: «Мир проходит через три эпохи божественного откровения: откровение закона (Отца), откровение искупления (Сына), откровение творчества (Духа). <...> Нам не дано знать резких хронологических граней этих эпох. Все три эпохи сосуществуют» [8, с. 279]. Религиозные эпохи ветхозаветного закона (Отца) и новозаветного искупления (Сына) исторически воплотились в полной мере, и приближается воплощение заключительной, «апокалиптической» эпохи Святого Духа – религиозной эпохи творчества: «Религиозная эпоха творчества есть третье откровение, откровение антропологическое, следующее за откровением Ветхого и Нового Завета. <...> Третье, творческое откровение в Духе не будет иметь Священного писания, не будет голосом свыше: оно совершится в человеке и человечестве, это откровение антропологическое, раскрытие христологии человека ... <...> ...в третью эпоху окончательно открывается божественность творческой человеческой природы, и мощь божественная становится мощью человеческой» [8, с. 95, 98; 279].

Ясно, что подобные религиозно-историсофские конструкции Серебряного века далеки от ортодоксального христианского учения. Впрочем, сам Н.А. Бердяев прекрасно осознавал неортодоксальность своей мысли. Развивая собственную концепцию творчества, он сетовал на отсутствие в христианстве подлинного учения о творчестве: «... официальное учение о творчестве мира в православии и католичестве – ветхозаветно, в нем не раскрыта до конца тайна Христа о том, что в Христе продолжается творение человеком» [8, с. 124].

Обратим внимание на некоторые сходства в представлениях Н.А. Бердяева и одного из парадоксальных авторов ОБЭРИУ – Даниила Хармса.

Итак, эпоха Святого Духа должна стать, согласно Н.А. Бердяеву, эпохой творчества, в которой будет достижимо окончательное антропологическое откровение. Самовозрастание человека через причастность к божественному и космическому началам станет религиозным откровением творчества, преодолевающим царство необходимости и духовной стагнации. Человек создаст новую творческую реальность – в Духе: *мир иной*. Однако переход к новой твор-

¹¹ См.: Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. 3-е изд. Paris: YMCA-PRESS, 1983 [Репринт. изд. Киев: Путь к истине, 1991]. С. 467 [9].

¹² На эту тему существует целый комплекс исследовательских материалов. См., например: Максимов М.В. В. Соловьев и Иоахим Флорский: историсофские параллели // Философский альманах. 1998. № 1–2. С. 254–262 [10]; Рычков А.Л. Владимир Соловьев и антихристы Иоахима Флорского // Соловьёвские исследования. 2018. Вып. 3(59). С. 6–42 [11].

ческой реальности «инога неба и иной земли» будет сопровождаться апокалиптической катастрофой, которая нарушит мировую историю и приведет ее к метаисторическому трансцендентному пределу.

В творческой лаборатории Д. Хармса сохранился любопытный документ – таблица¹³, в которой, согласно ее современным интерпретаторам (Д.В. Такарев, Л.Ф. Кацис и др.)¹⁴, в контексте развития всемирной истории автор рассматривает тему рождения и смерти (см. таблицу):

БОГ ОТЕЦ	БОГ СЫН	БОГ ДУХ СВЯТОЙ
РАЙ	МИР	РАЙ
1. ПУСТОТА	СУЩЕСТВОВАНИЕ	ПУСТОТА
2. ПРОШЛОЕ	НАСТОЯЩЕЕ	БУДУЩЕЕ
3. ПОКОЙ	ДВИЖЕНИЕ	ПОКОЙ
4. ТВОРЕНИЕ	ДЕЙСТВИЕ	РАЗРУШЕНИЕ УНИЧТОЖЕНИЕ
5. РЕЛИГИЯ	МАТЕРИАЛИЗМ	ИСКУССТВО
6. БЕЗГРЕШНОСТЬ	ГРЕХ	БЕЗГРЕШНОСТЬ
7. РОЖДЕНИЕ	ЖИЗНЬ	СМЕРТЬ
8. ВЫХОД ИЗ РАЯ	(МИР) ОПУСКАНИЕ В ЗЕМЛЮ	ВОЗВРАЩЕНИЕ В РАЙ

Д. Хармс не оставил сколько-нибудь подробных комментариев к этому документу, поэтому не представляется возможным дать однозначную интерпретацию содержания таблицы. Единственная запись, предваряющая эту таблицу: «Деля единую пустоту на [три] две части, мы получаем троицу существования»¹⁵, – отсылает сведущего читателя к двум трактатам Д. Хармса, датированным современными архивистами мартом–апрелем 1940 года. В трактатах «<О существовании, о времени, о пространстве>»¹⁶ и «О существовании»¹⁷ посредством диалектики *нечто* и *ничто* выводится «троичность» бытия – формула «троица существования». На основании диалектических умозаключений, напоминающих философов раннего А.Ф. Лосева (но восходящих, безусловно, к христианскому платонизму), Д. Хармс объясняет для самого себя учение об ипостаси: «...нам делается понятно учение о ипостаси: Бог един, но в трех Лицах» [13, с. 35].

¹³ См.: Хармс Д.И. Записные книжки. Дневник. В 2 кн. Кн. 2. СПб.: Академический проект, 2002. С. 107 [12].

¹⁴ Общим исследовательским выводом работ является включение искусства (творчества) в контекст теологии Третьего Завета – Завета Св. Духа.

¹⁵ См.: Хармс Д.И. Записные книжки. Дневник. В 2 кн. Кн. 2. С. 107.

¹⁶ Хармс Д.И. Неизданный Хармс // Хармс Д.И. Полн. собр. соч. Т. 4. Трактаты и статьи. Письма. Дополнения: не вошедшее в т. 1–3. СПб.: Академический проект, 2001. С. 30–34 [13].

¹⁷ Там же. С. 34–35.

Далее в трактате «О существовании» следует истолкование христианской символики креста, которая складывается как продолжение диалектических умозаключений: «<...> Существует нечто единое, однородное и непрерывное, что однако, как было сказано..., не может быть названо существующим. Изобразим это графически прямой линией... Чтобы это нечто стало существующим, оно должно иметь части... Части... создаются через препятствие. Изобразим графически препятствие в этом едином существовании. <...> Превращая это графическое изображение в символическую фигуру, мы получаем крест. <...> Повторяю: крест есть символический знак закона существования и жизни» [13, с. 36]. Наконец, в двух последних пунктах этого трактата Д. Хармс устанавливает диалектическую парадигму: «Рай (“это”) – Мир (“препятствие”) – Рай (“то”))» [13, с. 37].

Обратим внимание на сходство этих размышлений с содержанием таблицы, три столбца которой, соответствующие ипостасному делению Святой Троицы (Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой), имеют подзаголовки указанной в трактате серии (Рай – Мир – Рай). *Искусство и смерть*, отмечает Д.В. Токарев, занимают в таблице двойственную позицию, так как «сверхзадача искусства парадоксальным образом совпадает с назначением смерти: его призвание в том, чтобы преодолеть тяжесть феноменального мира, тяжесть материализма, и вывести художника в мир, где раскрывается подлинная суть вещей» [5, с. 48]. Трагизм искусства, который переживает Д. Хармс, и связанный с ним кризис творчества, мотивы которого представлены во многих его произведениях, обнаруживают сходство с представлениями о кризисе искусства у Н.А. Бердяева. С одной стороны, творчество рождается во времени и пространственно погружено в объекты материального мира, с другой – именно творчество есть начало новой эпохи Святого Духа, освобожденной от трясины времени и пространства: «*Трагедия творчества и кризис творчества*, – подчеркивает Н.А. Бердяев, – и есть основная проблема, переданная XIX веком веку XX. <...> Мировой кризис творчества есть кризис канонического искусства, он предваряет творческую религиозную эпоху» [8, с. 200–201].

Описание творческого кризиса становится парадоксальной формой создания нового литературного дискурса в произведениях Д. Хармса. Автор-авангардист пишет абсурдистские тексты, свидетельствующие о невозможности создать художественное произведение: «Текст о невозможности создать текст: в перспективе – дурная бесконечность. Как пародия на классический модернистский сюжет: писатель, пишущий о писателе, текст о создании текста, сон во сне, – выглядит у Хармса тот же сюжет, взятый в неосуществлении: текст о невозможности создать текст, сон о бессоннице» [14, с. 134]. Главный герой хармсовской повести «Старуха» (1939 г.) пишет роман о чудотворце, который не может совершить ни одного чуда.

Тема кризиса творчества возникает в эту эпоху у многих авторов. Вспомним, например, небольшое, но иллюстративное в данном отношении

произведение Г. Иванова «Распад атома», написанное в 1938 году!¹⁸ А одно из стихотворений поэта («И сорок лет спустя мы спорим...», <1956?>) также удивительным образом совпадает с лейтмотивом повести Д. Хармса:

Гостинодворцы, царедворцы
Во всю старались рысь и прыть;
Безмолвствовали чудотворцы,
Не в силах чуда совершить [15, с. 547].

Достигая кризисного предела, Д. Хармс парадоксальным образом открывает последнюю перспективу творчества в возможности описания самого кризиса! И эта экзистенциальная стратегия становится в ряде текстов формой молитвенной просьбы о вдохновении и избавлении от духовной стагнации¹⁹:

Боже, сосредоточь меня на правильном пути.
Напряги мысли мои и наполни радостью душу мою.
Избавь меня, Боже, от лени, падения и мечтания [16, с. 401].

Религию (веру) и искусство (творчество) Д. Хармс, как и Н.А. Бердяев в своей концепции, отождествляет и воспринимает интимно-лично, экзистенциально. Неслучайно в хармсовской таблице *религия* и *искусство* являются одноуровневыми категориями. *Религия* – мистическая связь человека с Богом Отцом (колонка «Бог Отец, Рай»), искусство – преодоление материального мира (колонка «Бог Сын, Мир» – *материализм*) и выход в сферу Святого Духа (колонка «Бог Дух Святой, Рай» – *искусство*).

Художественное произведение, по представлению Д. Хармса, принципиально связано с мистическим чувством творящей личности, с богоискательством и всегда обусловлено богодарованным чудом обретения творческой чистоты. Такое понимание творчества, действительно, очень близко бердяевскому.

Размышляя о новом, грядущем искусстве, Н.А. Бердяев выдвигает идею «мистического реализма», призванного преодолеть в формах искусства трагедию творчества: «О реализме в искусстве можно говорить лишь условно. Реализм мистический уже переходит за пределы искусства как дифференцированной ценности культуры. Окончательный мистический реализм был бы преодолением трагедии творчества» [8, с. 211]. Так понятый реализм, безусловно,

¹⁸ Иванов Г.В. Распад атома // Иванов Г.В. Собр. соч. В 3 т. Т. 2. Проза. М.: Согласие, 1993. С. 5–34.

¹⁹ См. об этом: Шукуров Д.Л. Имяславские мотивы стихотворных текстов-молитв Даниила Хармса // Библия и европейская литературная традиция. Вып. II: материалы XXXV Междунар. филологической конф. Секция «Библия и христианская письменность» (13–18 марта 2006 г.). СПб., 2007. С. 119–130.

сближает представления философа и обэриутов. В декларации ОБЭРИУ было заявлено о безграничной свободе творчества: «Наша воля к творчеству универсальна: она перехлестывает все виды искусства и врывается в жизнь, охватывая ее со всех сторон» [17, с. 146].

Стремление к возрождению первореальности в искусстве было для обэриутов главной составляющей творчества, и поэтому само творчество воспринималось ими как акт мистического делания.

Итак, у Д. Хармса третья эпоха самораскрытия божества, отождествляясь с состоянием меонической *пустоты* (*разрушение, уничтожение*), являет эру *будущего и покоя* и одновременно открывает новую эру творчества (*искусство*), которое очищает человека от греха падшей материальности (*безгрешность*) и после смерти «ветхого Адама» (*смерть*) возвращает его в райское состояние первозданной свободы (*возвращение в рай*). Так может быть прочитана эта загадочная таблица.

Бердяевская интерпретация учения о тринитарности всемирной истории содержала еще один доселе не названный нами, *культурологический*, аспект. Эпоха Святого Духа ассоциирована мыслителем с новой религиозной эрой творчества. Истинное творчество Н.А. Бердяев уподобляет божественному акту миротворения «из ничего» (*ex nihilo*). Соответственно, такая творческая эпоха необходимо должна начаться с меонической свободы и закономерно будет включать в себя элементы исторического варварства. Так возникла знаменитая концепция «Нового Средневековья», согласно которой современные процессы разрушения традиционных ценностей культуры аналогичны историческим событиям переходной эпохи разрушения античного мира и наступления христианского средневековья: «Закат исторического дня античного мира сопровождался большими потрясениями и катастрофами, он давал чувство безвозвратной гибели. Начало новой эпохи сопровождается варваризацией. <...> Мы живем в эпоху, аналогичную эпохе гибели античного мира» [18, с. 551].

Бердяевская концепция «Нового Средневековья» обнаруживает удивительную близость одному из основных лейтмотивов творчества Константина Вагинова, поэта и писателя, также входившего в состав группы ОБЭРИУ. Автор этих строк уже обращал внимание на данную параллель²⁰. В произведениях К. Вагинова эпоха «упадка и крушения» (Э. Гиббон) античного мира является источником многочисленных аллюзий. Поэт отождествляет революционные катаклизмы современности и исторические события смены античной эпохи эпохой христианской в духе «Заката Европы» Освальда Шпенглера.

²⁰ См.: Шукуров Д.Л. Герметизм артистического универсума К. Вагинова // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература: Исследования и материалы. Иваново: ИВГУ, 1998. С. 115–122.

Данная историческая аллюзия в принципе не нова для культуры Серебряного века: параллелизм античной и современной эпох встречаем в трудах И.Ф. Анненского, Ф.Ф. Зелинского, Вяч. Иванова. Лирический герой К. Вагинова предстает в образе «соперника христианства» (Ф.Ф. Зелинский), последнего хранителя античной и одновременно современной традиционной культуры, обреченных на гибель под натиском варваров, которые названы в тексте романа «Козлиная песнь» (1928 г.) «новыми христианами»: «Вспомни вчерашнюю ночь, – вещает неизвестный поэт в одном из своих экстатических видений, – когда Нева превратилась в Тибр, по садам Нерона, по Эсквилинскому кладбищу мы блуждали, окруженные мутными глазами Приапа. Я видел новых христиан, кто будут они? Я видел дяконов, раздатчиков хлебов, я видел неясные толпы, разбивающие кумиры. Как ты думаешь, что это значит, что это значит?» [19, с. 23].

Уже в раннем творчестве К. Вагинова (повести «Монастырь Господа нашего Аполлона», «Звезда Вифлеема», поэтический сборник «Петербургские ночи» (все опубликованы в 1922 году)) послереволюционная действительность и эпоха, предшествовавшая ей, соотносятся как негативно окрашенное христианство и высокая культура античности²¹. Дальнейшее развитие эта тема получает в романе «Козлиная песнь», в котором, в частности, один из персонажей, Тептелкин, ссылается на рассуждения своего коллеги – другого героя романа – «неизвестного поэта», уподобляющего послереволюционные годы первым векам христианства: «Но как же совместить это с концепцией неизвестного поэта, что большевизм огромен, что создалось положение, подобное первым векам христианства? <...> Экое поколение растет, без всякого гуманизма, будущие истинные представители средневековья, фанатики, варвары, не просвещенные светом гуманитарных наук» [19, с. 27, 36].

Действительно, Н.А. Бердяев в известной работе «Новое Средневековье» (1924 г.), опубликованной на Западе в период эмиграции, сопоставляет по культурной значимости эпоху большевизма с периодом раннего христианства. «Небольшой этот этюд, вскоре переведенный на ряд иностранных языков, – отмечает В.В. Зеньковский, – создал Бердяеву мировую славу» [21, с. 61]. Культурологические параллели в этой бердяевской работе постоянны: «Мы вступаем в эпоху во многом аналогичную эпохе эллинистической <...> Происходит мировой кризис, подобный падению античного мира» [18, с. 565, 597].

Однако христианство здесь воспринято как безусловная положительная сила, исцеляющая зараженную вирусом варварства традиционную культуру. Большевизм отождествлен с варварством, но в отличие от трактовки, свойственной произведениям К. Вагинова, однозначно противопоставлен христиан-

²¹ Павлинова О.М. Античные образы в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» // Мова і літаратура: матэрыялы 77-й навук. канф. студэнтаў і аспірантаў філалагічнага фак. БДУ, Мінск, 22 красавіка 2020 г. / БДУ, Філалагічны фак.; [пад рэд. К.А. Тананушкі]. Мінск: БДУ, 2020. С. 162–166 [20].

ству: «Мы переживаем состояние, схожее с падением Римской империи и античной цивилизации III века, когда только христианство духовно спасло мир от гибели и окончательного разложения. Варварские начала уже вошли в дряхлеющую и падающую культуру. Аристократические основы культуры потрясены. И необходима новая переработка варварской стихии, необходимо рождение света во тьме. Большевизм нельзя ликвидировать хорошей организацией кавалерийских дивизий» [18, с. 589–590].

Т.Л. Никольская указывает другой возможный источник аллюзий вагиновского романа²² – бердяевскую статью «Предсмертные мысли Фауста», опубликованную в России в 1922 году в знаменитом сборнике «Освальд Шпенглер и “Закат Европы”». Здесь, в частности, философ пишет: «Мы живем в эпоху, внутренне схожую с эпохой эллинистической: эпохой крушения античного мира» [23, с. 57]. Возможно, именно эта статья из названного сборника, который по достоверным сведениям был известен в интеллектуальном кругу М.М. Бахтина, и стала непосредственным источником заимствования для К. Вагинова, являвшегося в 1920-е годы одним из активных участников «бахтинского семинара»²³.

Таким образом, пафос шпенглеровской концепции, воспринятой и преобразованной русской культурой в русле религиозной эсхатологии, и культурологические мотивы работ Н.А. Бердяева стали основой для создания уникального артистического герметизма вагиновских произведений.

Мы отметили две наиболее явные параллели между философией творчества Н.А. Бердяева и теологическим дискурсом ОБЭРИУ. Безусловно, этими сопоставлениями тема не исчерпывается, а исследовательские поиски в рамках данной темы должны быть продолжены.

Метафизико-поэтический проект Д. Хармса формировался в контексте общения поэта с другими авторами «чинарско-обэриутского круга» – А.И. Введенским, Л.С. Липавским, Я.С. Друскиным, создавшими не менее интересные «метафизические» проекты.

Последний из названных авторов, философ Я.С. Друскин, продолжая парадоксальную мыслительную традицию своих не уцелевших в годы репрессий товарищей, разработал оригинальную теологию²⁴, также имеющую пересечения с философским дискурсом Н.А. Бердяева.

²² См.: Никольская Т.Л. К.К. Вагинов (Канва биографии и творчества) // Четвертые Тыняновские чтения: тез. докл. и материалы для обсуждения. Рига, 1988. С. 79 [22].

²³ См.: Шукуров Д.Л. М.М. Бахтин и К.К. Вагинов: интерференция дискурсов // Бахтинский вестник. Собр. соч. ученых. В 5 т. Т. 1. Орел: Изд. Дом «Орловская литература и книгоиздательство» («ОРЛИК»), 2005. С. 337–356 [24].

²⁴ Друскин Я.С. Лестница Иакова: Эссе, трактаты, письма. СПб.: Академический проект, 2004. 768 с. [25].

Культурологическая концепция К. Вагинова, как было отмечено, воспроизводила широкий культурный контекст Серебряного века и имела непосредственное отношение к идейному проекту «Союз Третьего Возрождения», создателями которого являлись участники домашних семинаров Ф.Ф. Зелинского брата Н.М. и М.М. Бахтины, Л.В. Пумпянский²⁵. Небезынтересно было бы рассмотреть этот круг идей в контексте бердяевской культурологической мысли. Филолог-классик, известный отечественный переводчик текстов Платона и талантливый писатель А.Н. Егунов (псевдоним – Андрей Николев), творческие контакты которого с К. Вагиновым и представителями «круга Бахтина» были постоянны, обобщил идеи своих коллег и художественно воспроизвел концепцию Н.А. Бердяева в новом историческом контексте в романе «По ту сторону Тулы» (1931 г.). Это нашло выражение в его «проекции эпохи индустриализации в СССР как *новой эллинской эпохи*»²⁶. Итак, намеченная нами тема далеко не исчерпана и ждет новых исследовательских поисков.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Кризис искусства // Эстетическое самосознание русской культуры. 20-е годы XX века: Антология. М.: РГГУ, 2003. С. 47–67.
2. Раков В.П. Апофатика литературно-художественного стиля (Опыт теоретического описания) // Раков В.П. Филология и культура. Статьи. Иваново: Изд-во МИК, 2003. С. 25–48.
3. Мережковский Д.С. I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький. СПб.: М.В. Пирожков, 1906. 185 с.
4. Бердяев Н.А. О назначении человека: сборник / вступ. ст. П.П. Гайдено; примеч. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1993. 382 с.
5. Токарев Д.В. Курс на худшее: Абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Самюэля Беккета. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 336 с.
6. Токарев Д.В. Философские и эстетические основы поэтики Даниила Хармса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. СПб., 2006. 407 с.
7. Кацис Л.Ф. Прологомены к теологии ОБЭРИУ (Даниил Хармс и Александр Введенский в контексте Завета Св. Духа) // Кацис Л.Ф. Русская эсхатология и русская литература. М.: ОГИ, 2000. С. 467–488.
8. Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2004. 678 с.
9. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. 3-е изд. Paris: YMCA-PRESS, 1983 [Репринт. изд. Киев: Путь к истине, 1991]. 600 с.
10. Максимов М.В. В. Соловьёв и Иоаким Флорский: историософские параллели // Философский альманах. 1998. № 1-2. С. 254–262.

²⁵ См. об этом: Николаев Н.И. Судьба идеи третьего Возрождения // MOYZEON: сб. ст.: проф. А.И. Зайцеву ко дню 70-летия / Санкт-Петербург. гос. ун-т; редкол.: В.С. Дуров (отв. ред.) [и др.]. СПб., 1997. С. 343–350 [26]; Хоружий С.С. Метаморфозы славянофильской идеи в XX веке. Эпизод 1: Идея Славянского Возрождения // Хоружий С.С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000. С. 118–125 [27]; Брагинская Н.В. Славянское возрождение античности // Русская теория: 1920–1930-е годы: материалы 10-х Лотмановских чтений. М.: РГГУ, 2004. С. 49–80 [28].

²⁶ См.: Косанович Б. Творчество Андрея Николева – белое пятно в изучении русского авангарда // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 2. С. 84. [29, с. 84]

11. Рычков А.Л. Владимир Соловьев и антихристы Иоахима Флорского // Соловьёвские исследования. 2018. Вып. 3(59). С. 6–42.
12. Хармс Д.И. Записные книжки. Дневник. В 2 кн. Кн. 2. СПб.: Академический проект, 2002. 416 с.
13. Хармс Д.И. Неизданный Хармс // Хармс Д.И. Полн. собр. соч. Т. 4. Трактаты и статьи. Письма. Дополнения: не вошедшее в т. 1–3. СПб.: Академический проект, 2001. 318 с.
14. Герасимова А.Г. Даниил Хармс как сочинитель (Проблема чуда) // Новое литературное обозрение. 1995. № 16. С. 129–139.
15. Иванов Г.В. Стихотворения // Иванов Г.В. Собр. соч. В 3 т. Т. 1. М.: Согласие, 1993. 656 с.
16. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда / пер. с фр. Ф.А. Перовской. СПб.: Академический проект, 1995. 471 с.
17. Из статьи «ОБЭРИУ». Поэзия ОБЭРИУТОВ // Введенский А.И. Полн. собр. произведений. В 2 т. Т. 2. Произведения 1938–1941. Приложения. М.: Гилея, 1993. С. 146–148.
18. Бердяев Н.А. Новое Средневековье. Размышление о судьбе России и Европы // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2004. С. 545–628.
19. Вагинов К.К. Козлиная песнь: романы / К вступ. ст. Т.Л. Никольской, примеч. Т.Л. Никольской и В.И. Эрля. М.: Современник, 1991. 592 с.
20. Павлинова О.М. Античные образы в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» // Мова і літаратура: матэрыялы 77-й навук. канф. студэнтаў і аспірантаў філалагічнага фак. БДУ, Мінск, 22 красавіка 2020 г. / БДУ, Філалагічны фак.; [пад рэд. К.А. Тананушкі]. Мінск: БДУ, 2020. С. 162–166.
21. Зеньковский В.В. История русской философии. Л.: Эго, 1991. Т. 2, ч. 2. 269 с.
22. Никольская Т.Л. К.К. Вагинов (Канва биографии и творчества) // Четвертые Тыняновские чтения: тез. докл. и материалы для обсуждения. Рига, 1988. С. 67–88.
23. Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста // Бердяев Н.А., Букшпан Я.М., Степун Ф.А., Франк С.Л. «Освальд Шпенглер и “Закат Европы”»: сб. ст. М.: Берег, 1922. С. 54–73.
24. Шукуров Д.Л. М.М. Бахтин и К.К. Вагинов: интерференция дискурсов // Бахтинский вестник. Собр. соч. ученых. В 5 т. Т. 1. Орел: Изд. дом «Орловская литература и книгоиздательство» («ОРЛИК»), 2005. С. 337–356.
25. Друскин Я.С. Лестница Иакова: Эссе, трактаты, письма. СПб.: Академический проект, 2004. 768 с.
26. Николаев Н.И. Судьба идеи третьего Возрождения // MOYZEON: сб. ст.: проф. А.И. Зайцеву ко дню 70-летия / Санкт-Петербург. гос. ун-т; редкол.: В.С. Дуров (отв. ред.) [и др.]. СПб., 1997. С. 343–350.
27. Хоружий С.С. Метаморфозы славянофильской идеи в XX веке. Эпизод 1: Идея Славянского Возрождения // Хоружий С.С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000. С. 118–125.
28. Брагинская Н.В. Славянское возрождение античности // Русская теория: 1920–1930-е годы: материалы 10-х Лотмановских чтений. М.: РГГУ, 2004. С. 49–80.
29. Косанович Б. Творчество Андрея Николаева – белое пятно в изучении русского авангарда // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 2. С. 81–89.

References

(Sources)

Collected Works

1. Ivanov, G.V. *Stikhotvoreniya* [Poems], in *Sobranie sochineniy v 3 t., t. 1* [Collected works in 3 vols., vol. 1]. Moscow, 1993. 656 p.
2. Kharms, D.I. *Zapisnye knizhki. Dnevnik. V 2 kn. Kn. 2* [Notebooks. Diary. In 2 books. Book 2]. Saint-Petersburg, 2002. 416 p.

3. Kharms, D.I. Neizdannyy Kharms [Unreleased Kharms], in Kharms, D.I. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 4. Traktaty i stat'i. Pis'ma. Dopolneniya: ne voshedshee v t. 1–3* [Full composition of writings. T. 4. Treatises and articles. Letters. Additions: not included in vols. 1–3]. Saint-Petersburg, 2001. 318 p.

Individual Works

4. Berdyaev, N.A. Krizis iskusstva [Art crisis], in *Esteticheskoe samosoznanie russkoy kul'tury. 20-e gody XX veka: Antologiya* [Aesthetic self-awareness of Russian culture. 20s of the twentieth century: Anthology]. Moscow, 2003, pp. 47–67.

5. Berdyaev, N.A. Novoe Srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy [New Middle Ages. Reflections on the fate of Russia and Europe], in Berdyaev, N.A. *Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka* [The meaning of creativity: The experience of human justification]. Moscow, 2004, pp. 545–628.

6. Berdyaev, N.A. *O naznachenii cheloveka* [About the appointment of a person]. Moscow, 1993. 382 p.

7. Berdyaev, N.A. *Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka* [The meaning of creativity: The experience of human justification]. Moscow, 2004. 678 p.

8. Druskin, Ya.S. *Lesnitsa Iakova: Esse, traktaty, pis'ma* [Jacob's Ladder: Essays, Treatises, Letters]. Saint-Petersburg, 2004. 768 p.

9. Iz stat'i «OBERIU». Poeziya OBERIUTOV [From the article “OBERIU”. Poetry of OBERIUTS], in Vvedenskiy, A.I. *Polnoe sobranie proizvedeniy v 2 t., t. 2. Proizvedeniya 1938–1941. Prilozheniya* [Full collection works, in 2 vols., vol. 2. Works 1938–1941. Applications]. Moscow, 1993, pp. 146–148.

10. Katsis, L.F. Prolegomeny k teologii OBERIU (Daniil Kharms i Aleksandr Vvedenskiy v kontekste Zaveta Sv. Dukha) [Prolegomena to the theology of OBERIU (Daniil Kharms and Alexander Vvedenskiy in the context of the Testament of the Holy Spirit)], in Katsis, L.F. *Russkaya eskhatologiya i russkaya literatura* [Russian eschatology and Russian literature]. Moscow, 2000, pp. 467–488.

11. Khoruzhiy, S.S. Metamorfozy slavyanofil'skoy idei v XX veke. Epizod 1: Ideya Slavyanskogo Vozrozhdeniya [Metamorphoses of the Slavophile idea in the twentieth century. Episode 1: The idea of the Slavic Renaissance], in Khoruzhiy, S.S. *O starom i novom* [About old and new]. Saint-Petersburg, 2000, pp. 118–125.

12. Merezkovskiy, D.S. I. *Gryadushchiy Kham. II. Chekhov i Gor'kiy* [I. The Coming Ham. II. Chekhov and Gorky]. Saint-Petersburg, 1906. 185 p.

13. Rakov, V.P. Apofatika literaturno-khudozhestvennogo stilya (Opyt teoreticheskogo opisaniya) [Apophatics of literary and artistic style (Experience of theoretical description)], in Rakov, V.P. *Filologiya i kul'tura. Stat'i* [Philology and culture. Articles]. Ivanovo, 2003, pp. 25–48.

14. Vaginov, K.K. *Kozlinaya pesn': romany* [Song of the Goat: Novels]. Moscow, 1991. 592 p.

(Articles from Scientific Journals)

15. Gerasimova, A.G. Daniil Kharms kak sochinitel' (Problema chuda) [Daniil Kharms as a writer (The Problem of Miracle)], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1995, no. 16, pp. 129–139.

16. Kosanovich, B. Tvorchestvo Andrey Nikol'eva – beloe pyatno v izuchenii russkogo avangarda [The work of Andrei Nikolev is a blank spot in the study of the Russian avant-garde], in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 1995, no. 2, pp. 81–89.

17. Maksimov, M.V. V. Solov'ev i Ioakhim Florskiy: istoriosofskie paralleli [Soloviev and Joachim of Fiore: Historiosophical Parallels], in *Filosofskiy al'manakh*, 1998, no. 1-2, pp. 254–262.

18. Rychkov, A.L. Vladimir Solov'ev i antikhristy Ioakhima Florskogo [Vladimir Soloviev and the Antichrists of Joachim of Fiore], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2018, issue 3(59), pp. 6–42.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

19. Berdyaev, N.A. Predsmertnye mysli Fausta [Faust's dying thoughts], in Berdyaev, N.A., Bukshpan, Ya.M., Stepun, F.A., Frank, S.L. *Sbornik statey «Osva'd Shpengler i Zakat Evropy»* [Collection of articles "Oswald Spengler and the Decline of Europe"]. Moscow, 1922, pp. 54–73.
20. Braginskaya, N.V. Slavyanskoe vrozozhdenie antichnosti [Slavic revival of antiquity], in *Russkaya teoriya: 1920–1930-e gody. Materialy 10-kh Lotmanovskikh chteniy* [Russian theory: 1920–1930s. Materials of the 10th Lotman readings]. Moscow, 2004, pp. 49–80.
21. Nikolaev, N.I. Sud'ba idei tret'ego Vozrozhdeniya [The fate of the idea of the third Renaissance], in *Sbornik statey MOYZEON: Prof. A.I. Zaytsevu ko dnyu 70-letiya* [Collection of articles MOYZEON: Prof. A.I. Zaitsev on his 70th birthday]. Saint-Petersburg, 1997, pp. 343–350.
22. Nikol'skaya, T.L. K.K. Vaginov (Kanva biografii i tvorchestva) [K.K. Vaginov (Outline of biography and creativity)], in *Chetvertye Tynyanovskie chteniya: tezisy dokladov i materialy dlya obsuzhdeniya* [Fourth Tynyanov readings: abstract. report and materials for discussion]. Riga, 1988, pp. 67–88.
23. Pavlinova, O.M. Antichnye obrazy v romane K. Vaginova «Kozlinaya pesn'» [Ancient images in K. Vaginov's novel "The Goat Song"], in *Mova i litaratura: materyyaly 77-y navuk. kanf. studentay i aspirantay filalagichnaga fak. BDU, Minsk, 22 krasavika 2020 g.* [Language and literature: materials of the 77th science. Conf. students and postgraduates of the Faculty of Philology. BSU, Minsk, April 22, 2020 / BSU, Faculty of Philology]. Minsk, 2020, pp.162–166.
24. Shukurov, D.L. M.M. Bakhtin i K.K. Vaginov: interferentsiya diskursov [M.M. Bakhtin and K.K. Vaginov: interference of discourses], in *Bakhtinskiy vestnik. Sobranie sochineniy uchenykh v 5 t., t. 1* [Bakhtinsky Bulletin. Collected works of scientists in 5 vols., vol. 1]. Orel, 2005, pp. 337–356.

(Monographs)

25. Florovskiy, G., prot. *Puti russkogo bogosloviya* [Paths of Russian theology]. Paris, 1983. 600 p.
26. Tokarev, D.V. *Kurs na khudshee: Absurd kak kategoriya teksta u Daniila Kharmsa i Samyuelya Bekketa* [Course for the worst: Absurdity as a category of text in Daniil Kharms and Samuel Beckett]. Moscow, 2002. 336 p.
27. Zen'kovskiy, V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. Leningrad, 1991. Vol. 2. Part 2. 269 p.
28. Zhakkar, Zh.-F. *Daniil Kharms i konets russkogo avangarda* [Daniil Kharms and the end of the Russian avant-garde]. Saint-Petersburg, 1995. 471 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

29. Tokarev, D.V. *Filosofskie i esteticheskie osnovy poetiki Daniila Kharmsa*. Diss. ... d-ra filol. nauk: 10.01.01 [Philosophical and aesthetic foundations of the poetics of Daniil Kharms. Dr. philol. sci. diss.]. Saint-Petersburg, 2006. 407 p.